обосновываются авторство митрополита Илариона и датировка «Слова о законе и благодати», а также ставится вопрос об авторе других произведений древнерусской письменности, обозначенных именем Илариона. Издание снабжено переводом «Слова» (вместе с «Молитвой») и «Исповедания веры» на современный русский язык, в котором курсивом выделены библейские цитаты с указанием их источников.

Вторая, «усеченная» редакция «Слова о законе и благодати», в конце которой отсутствует пространная «Похвала Ярославу Мудрому», имеющаяся в первой редакции, — самая распространенная в рукописной книжности: она известна в 30 списках. К этой редакции относится старейший список «Слова» — его фрагмент в рукописи XII—XIII вв., обнаруженный Ф. И. Покровским среди отрывков пергаменных рукописей, присланных в 1869 г. из Финляндии, где этот лист был использован в качестве архивной обложки. Отрывок этот драгоценен не только по своей древности, но и потому, что вносит ясность в соотношение редакций «Слова»: он содержит одну из тех частей «Слова», где в третьей его редакции была сделана большая вставка, отсутствующая в данном списке; некоторые же разночтения с Синодальным списком не позволяют отнести этот фрагмент к первой редакции.[16] Оба эти обстоятельства дают основание отнести этот отрывок ко второй редакции, к которой принадлежит большинство других древних рукописей «Слова о законе и благодати», рукописей XV в. и в числе их найденный Кубаревым и опубликованный Бодянским пергаменный список Уваровского собрания (бывшего собрания Царского № 1772/509) в ГИМе.

Текстологический анализ списков второй редакции приводит к выводу о том, что наиболее близким к архетипу является список первой половины XV в. — ГИМ, Чуд. 262. Это Сборник житий и поучений, написанный полууставом в лист, на 556 листах. На л. 404 об., непосредственно перед началом «Слова о законе и благодати», имеется приписка писца, датированная 6952 (1444) г.

Разночтения остальных списков этой редакции с Чудовским, не имеющие существенного значения, умножаются по мере их хронологического удаления от архетипного текста, главным образом за счет модернизации лексики. Так, например, титул князя Владимира, обозначенный в Чудовском и другом древнейших списках «Слова о законе и благодати» старинным словом «каган», в списках XVI в. заменяется словом «князь» и «государь», к которым в XVII в. прибавляется церковная титулатура: «благоверный и равноапостольный», «святой». Архаическая форма «сълъ», сохраненная в Чудовском списке, постепенно превращается в «посол»; не менее архаическая форма того же списка «гръздится» переходит в «гроз-

---

в котором это слово употребляется богословами и в числе их первым издателем «Слова о законе и благодати». Второе слово соотносится Срезневским с тем же греческим χάρις и с латинским «gratia», но в материалах, приводимых им, дается и в качестве перевода εὐεργεσία, что значит «доброе дело», «благодеяние», «услуга», т. е. понятия исключительно реальные, житейские. Поэтому не следовало бы при издании «Слова о законе и благодати» заменять последнее слово, а нужно передавать его так, как оно обозначено в Синодальном и многих других списках этого произведения.

[16] Фотография этого фрагмента воспроизведена в книге «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР (вып 2, М.—Л., 1958, стр. 88). Любопытно отметить, что И. И. Срезневский, опубликовавший впервые сведения об этой рукописи и отрывки из нее, не узнал в них «Слово о законе и благодати» и назвал второй отрывок «серединой слова о богочеловеке» (И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, вып. 2. СПб., 1876, стр. 14). И. И. Срезневский, между прочим, пишет, что «по начертанию некоторых букв» этот отрывок может быть отнесен к XII в. и что его «письмо . . . любопытно особенно тем, что, как кажется, сделано не пером, а тростью» (там же, стр. 6).